

Т. В. Лобанова¹, О. В. Кардаш^{2, 3}, П. А. Косинцев¹

¹ Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, д. 202, г. Екатеринбург, 320144, Россия
E-mail: lota_64@mail.ru; E-mail: _kra@ipae.uran.ru

² Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

³ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков

Аннотация. В статье описана коллекция подвесок (амулетов и талисманов) из костей животных Надымского городка периода XIII – первой трети XVIII века. Представлена типология этих изделий, рассмотрено их функционально-семантическое значение. Часть из них представляет собой амулеты для защиты человека (клыки и зубы), другие являются талисманами, служащими для удачи в охотничьем промысле (нижние челюсти и таранные кости пушных животных). Религиозно-семантическое значение этих предметов рассмотрено в контексте общемировой религиозной культуры. Для сравнения привлечены данные из других археологических памятников Западной Сибири и европейской части России.

Ключевые слова: север Западной Сибири, Надымский городок, кости животных, религия, амулеты, талисманы.

Введение

Настоящая работа является продолжением исследования, основанного на материалах городища Монкысь Урий, которое было посвящено анализу костных остатков как археологического и исторического источника, несущего не только хозяйственно-экономическую, но и ритуально-религиозную информацию [Лобанова, Кардаш, 2018]. Костные остатки, которые в большом количестве собираются с археологических объектов, особенно на северных памятниках с мерзлым культурным слоем, как правило, описываются как бытовые кухонные отходы и в первую очередь используются для анализа промыслово-хозяйственной деятельности населения. Тем не менее довольно большая часть костей, попадающих в культурный слой, на деле является свидетельствами тех или иных ритуальных действий, не всегда очевидных для исследователей. В качестве таковых могут быть черепа копытных животных, иногда имеющие видимые характерные повреждения, а иногда не видимые нами из-за того, что были повреждены в культурном слое памятника. Или черепа пушных животных (зайцев, песцов, соболей и др.), обычно хранимые охотником для удачи подвешенными на веревке [Ивасько, Лобанова, 2003. – С. 70], а в культурном слое лежащие в беспорядке. Но это могут быть и мелкие кости, например, таранные кости ног, которые в слое мы находим абсолютно целыми, без явных следов обработки. Поэтому мы считаем, что костные остатки животных правомерно рассматривать как экологический источник, но также анализировать с исторической точки зрения и более тщательно относиться к анализу и интерпретации их происхождения и использования.

На средневековых памятниках севера Западной Сибири начиная с XII века появляется особый тип артефактов – изделия из костей и зубов животных, имеющие отверстие для подвешивания. Археологи обычно интерпретируют эти изделия как подвески и относят к такой категории предметов вещевого комплекса, как украшения костюма (или человека), наряду с изделиями из стекла или металлов, тоже имеющих отверстия или снабженных петлей для подвешивания. Употребление костей и зубов различных животных в качестве украшений-амулетов известно с древнейших времен у многих народов мира и стало практически неотъемлемой частью образа первобытного человека. Такое использование костей исторически имело религиозно-идеологическую основу и у каждого этноса – свои особенности и определенную систему. И продолжает использоваться до настоящего времени в современном туристическом обороте как реликт древних верований. На наш взгляд, кости и зубы животных, имеющие отверстие, – в древнем обществе не являлись сутью украшениями, но имели разнообразное религиозно-семантическое значение.

В результате исследования серии памятников аборигенной культуры на крайнем севере Западной Сибири, где все органические материалы хорошо сохранились в мерзлом культурном слое, получены представительные коллекции изделий и украшений из кости. В процессе их изучения мы обратили внимание на то, что на одних памятниках, функционировавших в период с XIII по XVIII век, таких как Надымский, Полуйский, Усть-Войкарский городки, подвески из костей животных постоянно встречаются в культурном слое [Сивоха, 2008. – С. 8–9; Кардаш, 2009. – С. 136; 2013. – С. 174]. На других памятниках, таких как городище Усть-Полуй, селище Тиутей-Сале 1, городище Ярте 6, функционировавших в период с III в. до н. э. по XII век н. э., подобные находки отсутствуют полностью [Федорова и др., 1998. – С. 100; Плеханов, 2014; Гусев, 2017. – С. 6–8]. С чем связано такое явление отсутствия целой категории предметов на памятниках, расположенных на одной небольшой территории? Что стоит за этим явлением – территориальный, хронологический или этнокультурный признак, достоверно не известно.

Целью данной статьи является описание и анализ коллекции подвесок из костей и зубов животных из материалов раскопок Надымского городка. Надымский городок выбран нами не случайно. Это место, где подобные изделия представлены наиболее массово. В то же время городище изучалось на протяжении 15 лет, и за этот период и были вскрыты и изучены слои XIII – первой трети XVIII века на всей территории памятника. Археологическая и археозоологическая коллекции из раскопок этого памятника на данный момент довольно полно и всесторонне изучены. Для всех найденных подвесок были определены элемент скелета и вид животного. Для сравнения и поиска аналогий мы старались в первую очередь привлечь данные с археологических памятников аборигенного населения севера Западной Сибири, расположенных ближе всего территориально и хронологически. На данный момент из них наиболее изучены – городище Бухта Находка XII – начала XIV в., городище Перегребное I XII–XIII вв., городище Ендырское I XIII–XIV вв., Усть-Войкарский городок XIII–XIX вв., Полуйский мысовой городок XVII в.

Терминология

Для дальнейшего обсуждения этой проблемы нам представляется необходимым выработать понятийный аппарат нашего исследования. В большинстве исследований, посвященных данной теме, все изделия из костей и зубов животных, имеющие отверстие, называются подвесками. Сюда относят как изделия из целых костей, так и из их фрагментов (например, рогов).

Подвеска – подвешенное украшение [Ожегов, Шведова, 1999. – С. 533]. Понятие это довольно широкое, поэтому здесь и далее мы будем называть так все изделия из костей и зубов животных, имеющих отверстие для подвешивания. Надо оговориться, что в этом исследовании мы не рассматриваем подвески, вырезанные из кости, а лишь изготовленные из целых костей или их частей (как в случае со слуховыми костями черепа). Одним из наиболее часто используемых материалов для изготовления подвесок служили зубы (клыки хищников и резцы копытных и грызунов), нижние челюсти и таранные кости.

Таранная кость (*talus*) или **астргал** (*astragalus*) – одна из костей предплюсны, формирующая нижнюю часть голеностопного сустава. Таранная кость является второй по величине среди костей пред-

плюсны и соединяет голень и стопу. Сверху она соединяется с больше- и малоберцовой костями, снизу с пяточной костью, а спереди – с ладьевидной. Посредством этих сочленений таранная кость передает вес тела и дополнительных нагрузок, возникающих при движении, одновременно в разные стороны на всю стопу, исполняя роль тарана. Кость имеет сложную форму, в ней выделяют несколько частей. Передняя часть носит название **головка** таранной кости (*caput tali*), средняя часть – **шейка** (*collum tali*) и далее **тело** кости (*corpus tali*). На нижней части таранной кости имеется суставная поверхность для соединения с пяточной костью [Синельников, Синельников, 1996. – С. 336, Капанаджи, 2017. – С. 206]. При описании таранных костей мелкого рогатого скота используют еще понятие – «**альчик**» (от киргизского слова *алчы*, обозначающего самое старшее положение кости), а крупного рогатого скота – «**бабка**». Эти кости использовались для распространенных детских игр.

Подвески из зубов и костей, как правило, относят к категории украшений и интерпретируют как амулеты [Голубева, 1997. – С. 157; Белавин, Крыласова, 2008. – С. 457; Тянина, 2010. – С. 159 и др.]. Что подразумевают эти понятия и достаточно ли полно они отражают суть всех тех артефактов, которые к ним относят?

Амулет (от араб. حَمَل – «носить») или **оберег** – предмет, которому приписывается магическая сила, который должен принести счастье (энергетическое, таинственное действие) и уберечь от потерь (защитное действие) [Атеистический словарь, 1985. – С. 16]. Иногда вместо слова «амулет» используют понятие **апотропей** (от др.-греч. ἀπο-τροπαῖος – «отвращающий беду») – в археологии и этнографии название предметов и изображений, которым приписывалась магическая способность отгонять злых духов [Большая Советская энциклопедия]. Амулеты носят на теле (часто как украшение) или на одежде, либо вешают вокруг скота. Они могут быть изготовлены из множества материалов, благодаря которым носитель должен быть пассивно защищен. Уже в первобытном обществе люди увешивали себя зубами и когтями убитой ими добычи, имея анимистическое представление о том, что на человека влияют магические силы, противодействовать которым он может амулетами, которые должны были дать их носителю силу животного.

Но все ли найденные на памятниках подобные артефакты являются амулетами? Несомненно, к таковым относятся клыки и, может быть, челюсти хищных животных, оснащенные клыками. Но, как нам представляется, помимо пассивной, защитной функции части этих предметов присваивалась и функция приносить удачу. И поскольку в древних присваивающих хозяйствах аборигенов Сибири благополучие его населения было напрямую связано с удачным промыслом, вероятно, часть этих артефактов использовалась для промысловой магии в качестве предметов охотничьей удачи – талисманов.

Талисман (др.-греч. τέλεσμα – «посвящение, чары») – магический предмет, назначением которого, согласно суеверным представлениям, является принесение счастья и удачи его владельцу [Атеистический словарь, 1985. – С. 463]. В словаре Ожегова [Ожегов, Шведова, 1999. – С. 788] также упомянута удача и не упоминается ношение талисмана на теле. Таким образом, талисман – наиболее общее понятие: талисманы могут нести не только защитную функцию, но и приносить успех; одни талисманы носят на теле, другие – нет (например, талисманом может быть животное). Известный оккультист А. Кроули так описывает талисман: «Талисман есть некий предмет, над которым произведен акт желания (то есть Магический акт), дабы он мог соответствовать определенной цели» [Кроули, 2010. – С. 107]. В качестве талисманов люди могут использовать как артефакты, так и естественные предметы (например, куски янтаря, раковины, кости или зубы животных, необычные камни). Некоторые талисманы заговорены колдуном, ведьмой, шаманом и т. п., другие – нет.

Какие из описываемых далее нами артефактов являются амулетами-оберегами, а какие суть талисманами, собираемыми и хранимыми для удачного промысла, мы попробуем выяснить далее.

Описание коллекции

Надымский городок расположен в нижнем течении реки Надым, в 25 км от его устья (66°03' с. ш. 72°00' в. д.). Массовые дендрохронологические исследования образцов древесины из построек городка показали, что территория городка заселялась с конца XII до первой трети XVIII века [Горячев и др., 2002. – С. 22–24]. В результате раскопок Надымского городка было установлено, что он представлял

собой населенный пункт с укрепленной оборонительно-жилой зоной. Архитектурный облик оборонительно-жилого комплекса городка менялся несколько раз. Выделяются три основных периода: первый период XIII–сер. XV в., второй период – сер. XV – кон. XVI в. и третий – кон. XVI – первой трети XVIII в. Планировочная композиция оборонительно-жилой зоны представляет собой овал, сформированный наружной стеной, рассеченный по длинной оси на две равные половины улицей – центральным проходом. Внутреннее пространство включало шесть симметричных кварталов, каждый из которых заполняли прямоугольные постройки разных размеров и функционального назначения (жилые и хозяйственные) и разных архитектурных традиций, что отражало неоднородный этнический состав населения, а именно проживание в нем самоедов и остяков.

Терраса, опоясывавшая жилую зону, была искусственно сформирована культурным слоем, состоящим преимущественно из щепы, стружки и гумусированных органических соединений, включавших в себя фрагменты досок и бревен, кости животных, артефакты, а также различные отходы жизнедеятельности населения городка. Терраса была условно разделена на отдельные площадки, которые имели приблизительно одинаковые размеры, за исключением северо-восточного склона, обращенного к протоке и смытого ею. Северо-западная многофункциональная площадка, помимо осуществления повседневной хозяйственной деятельности, обработки древесины, служила местом, где могли стоять чумы общинников или гостей, приехавших в городок для меновой торговли или для проведения ряда праздников и религиозных ритуалов. Западную многофункциональную площадку можно описать как место для хозяйственно-бытовой деятельности людей, в том числе и утилизации продуктов промысла и разделки туш оленя. Южная многофункциональная площадка относится к последнему периоду функционирования городища и служила местом для «военно-ритуальной» деятельности жителей [Кардаш, 2009. – С. 58–61].

Археозоологическая коллекция из раскопок Надымского городка 1998–2016 годов насчитывает около 215 000 экз. костных остатков. Как правило, это кости животных, не несущие на себе следов специальной обработки и представляющие собой преимущественно кухонные остатки. Но всегда ли можем отличить изделия от бытовых отходов? По сути, деление костей животных на отходы жизнедеятельности и артефакты не всегда очевидно. В процессе анализа мы столкнулись с тем, что кости, не несущие заметных следов обработки, тем не менее могут нести определенную семантическую нагрузку.

Таблица 1

**Видовой состав и количество подвесок из костей животных из раскопок Надымского городка
XIII – первой трети XVIII века**

Виды и группы	Зубы	Нижняя челюсть	Слуховой барабан	Плечевая кость	Таранная кость	Луч плавника	Позвонок	Всего
Олень северный	–	–	–	–	10	–	–	10
Лось	23	–	–	–	–	–	–	23
Медведь бурый	4	–	–	–	–	–	–	4
Волк	3	–	–	–	2	–	–	5
Лисица	10	5	–	–	1	–	–	16
Песец	161	105	–	–	135	–	–	401
Соболь	–	117	–	–	6	–	–	123
Горноста́й	–	2	–	–	–	–	–	2
Росомаха	11	–	–	–	31	–	–	42
Бобр	1	–	–	5	213	–	–	219
Заяц-беляк	–	3	–	–	101	–	–	104
Морж	3	–	–	–	–	–	–	3
Нерпа	–	–	1	–	–	–	–	1
Собака	4	–	–	–	1	–	–	5
Лошадь	1	–	–	–	–	–	–	1
Свинья	–	–	–	–	1	–	–	1
Рыба*	–	–	–	–	–	–	17	17

Виды и группы	Зубы	Нижняя челюсть	Слуховой барабан	Плечевая кость	Таранная кость	Луч плавника	Позвонок	Всего
Осетр	–	–	–	–	–	1	–	1
Нельма	–	–	–	–	–	–	3	3
Сиговые	–	–	–	–	–	–	1	1
Щука	–	–	–	–	–	–	1	1
Всего	220	232	1	5	501	1	22	983

Изделия из костей животных, как правило, попадают в археологическую коллекцию артефактов. Коллекция подвесок из костей животных из раскопок Надымского городка периода XIII – первой трети XVIII века составляет 983 экз. и представлена в таблице 1. В большинстве своем это таранные кости стопы, нижние челюсти, отдельные зубы животных. Все подобные изделия отличает наличие отверстия, с помощью которого их (как принято считать) могли нашивать на одежду или подвешивать на тело или ремень. В культурном слое городка подвески из костей животных встречались повсеместно. Иногда они располагались одиночно, а часть была найдена в скоплениях, которые составляли наборы наподобие ожерелья, некоторые из них были схоронены как клады. Часть подвесок дополнительно украшалась орнаментом, они имеют следы постоянного ношения, поверхность их заглажена, что явно говорит о большой значимости этого типа украшений, но большее их количество отличалось от подобных костей исключительно наличием искусственного отверстия. Подавляющее большинство этих изделий, вне всякого сомнения, имеют местное происхождение и очень тесно связано с традиционной культурой и религией. Но есть и подвески, происхождение которых не так очевидно.

Типология подвесок из кости была произведена на основании принадлежности их к различным элементам скелета и видам животных. По принадлежности к элементам скелета все подвески составляют две большие группы.

Первая группа представлена элементами передней части тела – 458 экз. Это верхние и нижние зубы, нижние челюсти и отдельные кости черепа, кости передних конечностей.

Тип I – подвески из зубов животных (клыков и резцов) – 220 шт. (табл. 1). Такие подвески изготавливали преимущественно из верхних и нижних клыков хищных животных (бурый медведь, волк, собака, россомаха, лисица, песец), а также из резцов копытных и грызунов и морских млекопитающих (лось, лошадь, бобр, морж). Для подвесок использовались зубы взрослых животных, но изредка встречаются зубы молодых особей, корни у которых еще не сформировались. В большинстве случаев отверстие в зубах сверлились в верхней части корня, в единичных клыках отверстие было расположено в центре зуба. Подтип мы определяли по видовой принадлежности зуба.

Подтип 1 – клык **бурого медведя** (*Ursus arctos*) – 4 экз. (рис. 1 – 1–4, табл. 1). Два клыка медведя были найдены в постройке № 8, один клык был найден в хозяйственной постройке в квартале № 1 и один на северо-западной многофункциональной площадке.

Подобные подвески из клыков медведя были найдены на городище Ендырское 1 [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 118, рис. 38 – 6].

Подтип 2 – клык **россомахи** (*Gulo gulo*) – 11 экз. (рис. 1 – 5–8, табл. 1). Такие подвески были найдены на всей территории оборонительно-жилого комплекса и северо-западной многофункциональной площадки городка в слоях кон. XV – нач. XVIII века. Помимо просверленных, на памятнике были найдены еще 13 изолированных клыков россомахи, не имеющих отверстий.

Подвеска из клыка россомахи есть в коллекции Усть-Войкарского городка [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 3 – клык **волка** (*Canis lupus*) – 3 экз. (рис. 1 – 9–10, табл. 1). Две подвески были найдены в слоях XVII века на территории самоедских кварталов 3 и 5. Одна подвеска, изготовленная из верхнего клыка молодого животного (рис. 1 – 10), была найдена на западной площадке рядом с тремя подвесками из клыков песца.

Подобная подвеска из клыка волка была найдена на Полуйском мысовом городке.

Подтип 4 – клык **собаки** (*Canis familiaris*) – 4 экз. (табл. 1). Один клык собаки был найден в постройке № 8, два клыка собаки лежали рядом в слое конца XIV века на территории оборонительного жилого

комплекса, еще один был найден среди большого скопления костей различных животных в постройке № 12. Этот клык имел не досверленное отверстие и был завернут в клочок меха.

Подвеска из клыка собаки есть в коллекции Усть-Войкарского городища [Новиков, 2014. – С. 83, С. 165, рис. 164 – 3].

Подтип 5 – клык **лисицы** (*Vulpes vulpes*) – 10 экз. (табл. 1). Три клыка лисицы, вероятно, были частью ожерелья (рис. 1 – 11–13) и были найдены на центральной улице городка. Остальные располагались одиночно на территории кварталов 2 и 3. Два клыка от молодых животных были найдены на западной многофункциональной площадке в слое начала XV века. Коронка одного зуба была срезана вертикально (рис. 1 – 14).

Подобные подвески из клыков лисицы есть в коллекциях Полуйского мысового и Усть-Войкарского городков [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 6 – клык **песца** (*Vulpes lagopus*) – 161 экз. (рис. 1 – 14, табл. 1). Подвески из зубов песца наиболее многочисленны на городке среди украшений такого типа. Они изготавливались как из верхних (59 %), так и нижних (41 %) клыков. Лишь три подвески происходят от молодых животных (рис. 1 – 48–49), остальные от взрослых, что соответствует возрастному составу костных остатков этого вида. Только одна подвеска имеет отверстие в центре зуба (рис. 1 – 42), остальные на верхушке корня. Часть подвесок имеет аккуратные отверстия (рис. 1 – 43–45), отверстия на других не закончены или пробиты грубо (рис. 1 – 46–48). Подвески из клыков песца располагались в слое как одиночно, так и скоплениями по всей территории городка, во все хронологические периоды. Наибольшее их количество (47 %) было сосредоточено на северо-западной многофункциональной площадке, там же в слое кон. XV – нач. XVI века было найдено большое ожерелье, состоящее из 27 зубов (рис. 1 – 15–41). Небольшие фрагменты ожерелий, состоящие из 3–5 клыков песца, были также найдены в постройках № 7 и 10 и на западной площадке городка. На южной ритуальной площадке была найдена лишь одна такая подвеска.

Подобные подвески из клыков песца есть в коллекциях городища Бухта Находка, Полуйского мысового и Усть-Войкарского городков [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 7 – резец **лося** (*Alces alces*) – 23 экз. (табл. 1). 14 подвесок из резцов лося были найдены в слое кон. XV – нач. XVI в. на центральной улице городка и, видимо, представляли собой ожерелье (рис. 1 – 50–61). Зубы лося просверливались, как правило, в верхней части корня, кроме того некоторые были подточены по бокам вокруг отверстия (рис. 1 – 57а, 58а, 65–66). Единственная подвеска с двумя отверстиями была в составе скопления (рис. 1 – 56а). Две подвески были найдены у входа в постройку № 3, остальные располагались одиночно в слоях всех хронологических периодов, в разных частях оборонительного жилого комплекса, и лишь одна была найдена на северо-западной многофункциональной площадке. Такое большое количество зубов лося довольно необычно, так как кости лося на городке единичны, а нижняя челюсть, из которой могли быть получены зубы для подвесок, была найдена всего одна за весь период исследований.

Одна подвеска из резца лося в тундровой зоне Западной Сибири была найдена нами на городище Бухта Находка. Более известны они с северо-таежных городищ Перегребное 1, Усть-Войкарского и Ендырское 1 [Морозов, Пархимович, 1985. – С. 95, рис. 3 – 1–2; Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 119, рис. 38 – 10, фото 21; Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 8 – резец **лошади** (*Equus caballus*) – 1 экз. (рис. 1 – 67, табл. 1). Подвеска из единственной на городке кости лошади была найдена в остояцкой постройке № 3 в слое кон. XV – нач. XVI веков.

Подтип 9 – резец **бобра** (*Castor fiber*) – 1 экз. (рис. 1 – 68, табл. 1). Единственный резец с отверстием был найден в слое кон. XIV – нач. XV вв. на западной многофункциональной площадке.

Подтип 10 – зуб **моржа** (*Odobenus rosmarus*) – 3 экз. (рис. 1 – 69–70, табл. 1). Все подвески из зубов моржей находились одиночно, все на территории оборонительного жилого комплекса XV – нач. XVIII вв. Аналогий последним трем подтипам на территории Западной Сибири мы не нашли.

Тип II – подвески из нижних челюстей млекопитающих – 232 экз. Правые и левые нижние челюсти пушных животных просверливались в центральной части восходящей ветви над челюстным отверстием. Подтип мы определяли по видовой принадлежности кости.

Подтип 1 – нижняя челюсть **песца** – 105 экз. (рис. 2 – 3–8, табл. 1). Такие подвески были распространены по всей площади городка, 36 % были найдены на северо-западной многофункциональной площадке.

Наибольшее количество этих подвесок сохранились в слоях XV–XVI веков, когда промысел песка был максимальным. Интересно, что отверстия на таких подвесках зачастую не сверлены, а пробиты и потому имеют неправильную форму и острые края (рис. 2 – 5–8), некоторые подвески имеют 2 отверстия, но их форма зачастую также неправильна (рис. 2 – 8). Надо отметить, что нижние челюсти и черепа песцов в остеологической коллекции Надымского городка являются наиболее массовыми элементами скелета этого вида. Головы песцов (черепа и нижние челюсти), а также целые лапки, несомненно, сохранялись для промысловой удачи, но при этом есть скопления костей песка, состоящие почти исключительно из нижних челюстей. В хозяйственной постройке № 11 в слоях конца XVI в. было найдено 260 нижних челюстей песка, из которых 249 были левыми. И ни одна из них не имела отверстия для привешивания.

Подвески из нижних челюстей песка были найдены на городище Бухта Находка, Полуийском мысовом городке и Усть-Войкарском городках [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 2 – нижняя челюсть **лисицы** – 5 экз. (рис. 2 – 1–2, табл. 1). Подвески из челюстей лисиц были найдены только на жилой территории городища. Небольшое их количество соответствует общему числу костей этого вида. Одна подобная подвеска была найдена нами на Полуийском мысовом городке.

Подтип 3 – нижняя челюсть **соболя** (*Martes zibellina*) – 117 экз. (рис. 2 – 9–16, табл. 1). Наиболее массовый подтип подвесок из нижних челюстей. Встречаются во всех хронологических горизонтах и по всей территории городка, не образуя видимых скоплений. 9 таких подвесок было найдено на западной площадке и лишь две – на южной ритуальной площадке. Часть подвесок имеют следы ношения (рис. 2 – 9–12), но более половины таких подвесок не носились (рис. 2 – 13–16).

На севере Западной Сибири одна такая подвеска была найдена нами в Тазовской литейной мастерской XIII века, две – на городище XVII века Монкысь Урий, расположенного в Сургутском Приобье, еще несколько описаны на Усть-Войкарском городке [Сивоха, 2008. – С. 8–9]. Подвески из челюстей куницы (вида двойника соболя) известны с городища Ендырское 1 [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 119, рис. 38 – 11, рис. 41 – 14–15].

Подтип 4 – нижняя челюсть **горностая** (*Mustela ermine*) – 2 экз. (рис. 2 – 17, табл. 1). Одна челюсть была найдена в большом скоплении костей, в постройке 22, в слое XIV в., другая – в постройке № 12 в слое конца XVI в. Довольно редкие находки, аналогий которым мы не нашли.

Подтип 5 – нижняя челюсть **зайца-беляка** (*Lepus timidus*) – 3 экз. (табл. 1). Нижние челюсти зайцев в остеологической коллекции этого вида являются наиболее массовым элементом скелета, но лишь три из них имеют отверстия. Нет подобных изделий и на других памятниках, хотя кости зайца многочисленны на большинстве археологических объектов Западной Сибири. Возможно, это связано с тем, что восходящая ветвь челюсти зайца, в отличие от таковых у хищных животных, имеет другое строение и при просверливании легко ломается (рис. 2 – 18), но, вероятно подвески из челюстей хищников несут иную семантическую нагрузку.

Единственная близкая аналогия – это подвеска из челюсти белки, найденная на Усть-Войкарском городке [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Тип III. Подвески из слуховых костей черепа (рис. 2 – 21, табл. 1). Этот тип представлен единственной подвеской из слухового барабана (*os petrosum*) **кольчатой нерпы** (*Phoca hispida*). Размер подвески 6,6 × 5,0 × 2,1 см, поверхность кости заглажена, т. е. подвеску носили. Подвеска была найдена в слое XV века в остояцком квартале № 2. Помимо этой подвески в остеологической коллекции содержится еще 20 небольших фрагментов черепов нерпы, из них 11 – это слуховые барабаны, еще 5 фрагментов от прилегающих к ним костей. Найдены все они были в разных частях городка во всех хронологических горизонтах. Эти кости не имели отверстий, лишь на одном из них есть следы обстругивания, но явно они собирались и сохранялись специально.

Аналогий для этого типа подвесок мы не нашли.

Тип IV. Подвески из плечевых костей бобра (5 экз.), которые мы можем отнести к элементам передней части тела. Все они имеют искусственное отверстие в центральной части нижнего эпифиза (табл. 1). Встречаются 2 варианта таких изделий.

Вариант 1 – изделия были изготовлены из целой кости – 2 экз. Надо отметить, что в обоих случаях кости принадлежали молодым животным, и верхний эпифиз был утрачен (рис. 2 – 20).

Вариант 2 – изделия были изготовлены из нижней части кости, разрубленной пополам посередине диафиза – 3 экз. (рис. 2 – 19). Описания подобных артефактов мы не встречали ранее. Аналогий для этого типа подвесок мы не нашли.

Надо отметить, что наиболее распространенными типами и подтипами подвесок первой группы в материалах Надымского городка являются подвески из зубов и нижних челюстей песца и нижних челюстей соболя. Подвески из костей песца редки в остальных регионах, поскольку ареал обитания этого вида и основной промысел был сосредоточен почти исключительно на севере Западной Сибири, в то время как подвески из нижних челюстей соболя вместе с челюстями куницы (*Martes martes*) встречаются чаще других не только в Надымском городке, но и на других памятниках в Западной Сибири и в Северо-Восточной Европе. На памятниках бассейна реки Камы этот вид амулетов известен с эпохи раннего железного века [Ашихмина, 1977. – С. 156, рис. 8 – 3] до позднего средневековья [Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 77 – 5; Белавин, Крыласова, 2008. – С. 457, рис. 194 – 7–9]. Подвески из зубов хищников и резцов копытных имели широкое распространение в Северо-Восточной Европе еще с палеолита [Wilczynski et al., 2014. – P. 155–160, fig. 4, 6]. Резцы бобров были довольно обычны в Новгородских коллекциях X–XII веков [Тянина, 2010. – С. 160]. А вот подвески из плечевых костей и костей морских млекопитающих есть только в Надымском городке, ни на севере Западной Сибири, ни на севере Восточной Европы данный подтип нам не известен, но это, возможно, связано с тщательностью выборки, а также низкой сохранностью органических предметов в культурном слое других памятников.

Вторая группа подвесок представлена элементами задней части тела – нижних отделов задних конечностей (502 экз.).

Тип I – подвески из таранных костей.

Подтип мы определяли по видовой принадлежности кости.

Подтип 1 – таранные кости **бобра** – 213 экз. (табл. 1). Для изготовления таких подвесок использовались правые и левые кости как взрослых, так и молодых животных. Только 160 подвесок из коллекции были описаны достаточно, для того чтобы разделить их на варианты по расположению отверстия и наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 43 экз. (рис. 3 – 1–3).

Вариант 1А. Подвеска с отверстием в головке кости и орнаментом – 2 экз. (рис. 3 – 4–5).

Вариант 2. Одно отверстие просверлено в теле кости – 74 экз. Надо отметить, что и в этом обобщенном варианте существуют несколько различных вариаций расположения отверстия на теле кости (рис. 3 – 6–10).

Вариант 3. Подвеска, имеющая несколько отверстий: 2 отверстия – 22 экз. (рис. 3 – 11); 3 отверстия – 7 экз., в одном случае 3-е отверстие не досверлено, в другом – залеплено металлом (рис. 3 – 17–19); 4 отверстия – 2 экз. (рис. 3 – 21).

Вариант 3А. Подвеска, имеющая несколько отверстий и орнамент: 2 отверстия и орнамент – 5 экз. (рис. 3 – 12–16), 3 отверстия и орнамент – 1 экз. (рис. 3 – 20), 4 отверстия и орнамент – 4 экз. (рис. 3 – 22–25). Как правило, в этом варианте одно из отверстий расположено в головке кости, другие в теле. Лишь в двух случаях оба отверстия были расположены на теле кости (рис. 3 – 13) и, судя по тому, что обе подвески имели следы ношения, возможно, они были нашиты на одежду. Не всегда сохранность кости позволяла сделать однозначный вывод, но с большой долей вероятности можно утверждать, что все подвески, имеющие орнамент, являлись предметом ношения.

Надо отметить, что среди всех костяных подвесок этот подтип наиболее массовый. Так как среди подвесок из таранных костей бобра и других видов животных есть кости и от правых и от левых конечностей, можно утверждать, что не было особой избирательности при их изготовлении. Единичные подвески из таранных костей бобра были найдены во всех хронологических горизонтах Надымского городка. Больше всего подвесок было сосредоточено на территории оборонительно-жилого комплекса городка (64 %). Скопление из 19 подвесок обнаружено в постройке № 8, в слое кон. XVII века. 4 подвески из слоя XV века со следами носки были найдены в хозяйственной постройке № 15. Около 30 % всех подвесок происходят с северо-западной многофункциональной площадки, где в слое кон. XV – нач. XVI в. было

найденно скопление из 14 подвесок, большая часть из которых имеет следы носки. Ожерелья из 3–5 подвесок отмечены и на других участках этой площадки во всех хронологических горизонтах. Совсем немного подвесок из таранных костей бобра сохранилось на западной многофункциональной площадке (6 %), и они совсем не были найдены на южной ритуальной площадке. Но наибольший интерес и вопросы вызывает большой клад, состоящий из 55 просверленных таранных костей бобра, который был обнаружен под западным углом постройки № 12 (рис. 4 – 1–55). Клад был оставлен в слое кон. XV – нач. XVI века. В составе скопления содержалось 19 левых и 19 правых костей от взрослых животных (рис. 4 – 1–38) и еще 5 левых и 12 правых костей от молодых животных (рис. 4 – 39–55). Таким образом, в состав клада входили кости не менее чем от 31 особи бобра. Как долго мог собираться этот клад, сказать трудно, но судя по тому, что на городке за весь период были собраны кости как минимум от 100 особей, то этот период составляет не менее нескольких десятков лет. Надо отметить, что подавляющее большинство – 49 костей имели одно отверстие в центральной части тела кости (рис. 4 – 8–52). Лишь три имели одно отверстие в головке кости (рис. 4 – 2–4), еще три (от молодых животных) имели по 2 отверстия (в теле и головке), и одна кость имела 2 отверстия в теле кости (рис. 4 – 7). Ни на одной из костей не было орнамента и следов ношения. Все эти факты говорят о том, что эти изделия не предназначались для ношения и собирались в других целях. Помимо таранных костей бобра, это скопление содержало другие кости промысловых животных: хвостовые позвонки бобра (рис. 4 – 56); череп с нижней челюстью и переднюю лапку зайца в шерсти (рис. 4 – 57–59); череп с нижней челюстью, 5 шейных и 1 хвостовой позвонки, а также часть метаподий и три когтевые фаланги с роговым чехлом и мехом от задней лапы песца (рис. 4 – 60–68); череп, лопатку и фрагмент меха соболя (рис. 4 – 69–71). То есть мы можем сказать, что в состав этого комплекса изначально входили, помимо подвесок из таранных костей бобра, хвост бобра, голова, шея, задняя лапа и хвост песца, голова и часть тела соболя, голова и передняя лапа зайца.

Нам представляется очевидным тот факт, что предметы, его составляющие, являлись магическим набором для промысловых ритуалов, осуществляемых для привлечения и/или сохранения охотничьей удачи. Сам факт захоронения такого набора – акт магический, поскольку любое захоронение в грунт совершается с целью воскрешения в ином мире. Хозяин набора предметов закопал их с единственной целью – воспользоваться ими в ином мире. Еще такой набор может свидетельствовать о единицах счета или товарообмена. Мех черного азиатского бобра один из самых дорогих наряду с черным лисом и черным соболем – это царские меха, которые запрещалось торговать кому-то, кроме казны.

Подобные скопления таранных костей бобра встречаются на археологических памятниках Северо-Западной Сибири. 7 просверленных таранных костей бобра и бронзовая копия с отверстием были найдены в погребении № 62 могильника Сайгатинского 1, датированного X–XI вв. [Зыков, 1985. – С. 10, 25]. На городище Перегребное 1 в Нижнем Приобье, датированном XII–XIII веками, в жилище 4 рядом с печью-каменкой лежало скопление из 62 просверленных костей бобра [Морозов, Пархимович, 1985. – С. 95, рис. 3 – 1–2]. Скопление из 24 таранных костей бобра разной сохранности, часть с отверстиями, находилось в берестяном цилиндрическом коробе у ног женщины возрастом 20–24 лет в погребении № 39, мог. Сайгатинского 3, датированного XIII–XIV вв. [Терехова, 1986. – С. 4–5, рис. 15–18].

Интересно, что есть одна бронзовая подвеска, копирующая таранную кость бобра, была найдена в могильнике Сайгатинский VI, датированном кон. IX–X вв., в погребении № 119, мальчика (?) 7–9 лет, в районе пояса у правого запястья [Карачаров, 2005. – С. 71–74, рис. 63 – 1, С. 99]. Подвески из костей бобра в Западной Сибири были найдены нами на городище Бухта Находка, Полуйском мысовом городке, известны они на городищах Ендырское 1 и Усть-Войкарское [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 119, рис. 38 – 10, фото 21; Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 2. Таранные кости **росомахи** – 32 экз. (табл. 1). Из них 20 экз. можно отнести к разным вариантам по наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 12 экз. (рис. 3 – 26–27).

Вариант 1А. Подвеска, имеющая отверстие в головке кости и стесанную нижнюю часть тела кости – 4 экз. (рис. 3 – 28). Надо отметить тот факт, что, помимо костей, имеющих отверстие, встречаются таранные кости росомахи без отверстия, но имеющие стесанную нижнюю часть тела кости (рис. 3 – 29–30).

Вариант 1Б. Подвеска, имеющая отверстие в головке кости, орнамент и стесанную нижнюю часть тела кости – 4 экз. (рис. 3 – 31–33).

Подвески из костей росوماх находили во всех хронологических горизонтах. Надо отметить, что в жилой части городка такие подвески были найдены исключительно в самодийских постройках № 8 (5 экз.) и № 12 (2 экз.). Половина всех таранных костей росوماхи была сосредоточена на северо-западной многофункциональной площадке. На ее склоне были найдены две подвески с орнаментом, которые лежали вместе, рядом с ними находились и орнаментированные подвески из таранных костей бобра и песца, а также подвески из зубов и нижних челюстей песца и соболя. Но мы не можем сказать, были ли это части одного ожерелья или эти подвески хранились вместе в том или ином виде.

Подвески из таранных костей росوماхи в Западной Сибири описаны нами на Полуйском мысовом городке, известны они на городище Усть-Войкар [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 3. Таранные кости **песца** – 132 экз. (табл. 1). Из них полностью описано 74 экз., которые можно отнести к разным вариантам по расположению отверстия и наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 21 экз. (рис. 3 – 34).

Вариант 1А. Подвеска с отверстием в головке кости и орнаментом – 4 экз. (рис. 3 – 35, 43–45). Дополнительные просверлины, нанесенные на кости, мы условно назвали орнамент, поскольку значение их не до конца понятно. В некоторых случаях они выполнены довольно грубо (рис. 3 – 44–45).

Вариант 2. Одно отверстие просверлено в теле кости – 42 экз. (рис. 3 – 36–38).

Вариант 3. Подвеска, имеющая 2 отверстия, – 7 экз. (рис. 3 – 39–42). Как правило, такие подвески имеют отверстия в головке и теле кости, но есть подвески, имеющие оба отверстия в теле кости (рис. 3 – 41). Кроме этого, встречаются подвески из таранных костей песца всех вариантов, имеющие стесанную нижнюю часть тела кости (рис. 3 – 37, 42, 45).

Подвески из таранных костей песца были найдены во всех хронологических горизонтах и на всей территории памятника, но наибольшая их часть (42 %) была сосредоточена на северо-западной многофункциональной площадке. Ожерелье из 13 подвесок было найдено у северо-западного входа в городок в слое кон. XV – нач. XVI в. В слое конца XVII в. под полом постройки № 3 в остяцком квартале было найдено ожерелье, состоящее из 5 таранных костей песца, 5 костей зайца и одной кости бобра (рис. 3 – 53). Интересен тот факт, что все таранные кости песца в этом наборе имели отверстие в теле кости, а кости зайца в головке.

Подтип 4. Таранные кости **зайца-беляка** – 101 экз. (табл. 1), из них 38 можно отнести к разным вариантам по расположению отверстия и наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 12 экз. (рис. 3 – 47–48). Одна из таких подвесок имеет недосверленное отверстие в теле кости, но, вероятно, это связано с тем, что дужка основного отверстия в головке при рассверливании сломалась.

Вариант 2. Одно отверстие просверлено в теле кости – 25 экз. (рис. 3 – 49–51).

Вариант 2 А. Отверстие просверлено вдоль тела кости – 1 экз. (рис. 3 – 46).

Встречаются таранные кости зайца всех вариантов, имеющие стесанную нижнюю часть тела кости (рис. 3 – 48–49). Около 50 % всех таранных костей зайца были сосредоточены на северо-западной многофункциональной площадке, 8 % – на западной и 2 % – на южной. Остальные в оборонительно-жилом комплексе. Часть из них была найдена в самодийских постройках № 8 и 12 (8 экз. и 7 экз. соответственно), а также в скоплении, найденном под полом постройки № 3 (см. выше) в остяцком квартале. Лишь на нескольких подвесках есть следы ношения.

Подтип 5. Таранные кости **лисицы** – 1 экз. (рис. 3 – 55; табл. 1). Подвеска с отверстием в головке кости была найдена на северо-западной многофункциональной площадке в слое XVII в.

Единичные подвески из таранных костей песца, лисицы и зайца были описаны нами на Полуйском мысовом городке. На других памятниках Западной Сибири они не встречались.

Подтип 6. Таранные кости **волка** – 2 экз. (табл. 1). Обе подвески имеют отверстие в головке (рис. 3 – 54). Подобная подвеска была найдена нами на Полуйском мысовом городке.

Подтип 7. Таранные кости **собаки** – 1 экз. (рис. 3 – 56, табл. 1). Представлен 1 вариант с отверстием в головке и орнаментом.

Описывая подвески из таранных костей крупных хищников – росомахи, собаки или волка, мы отметили, что среди них нам ни разу не встречались подвески, имеющие отверстие в теле кости.

Подтип 8. Таранные кости **соболя** – 6 экз. (рис. 3 – 52, табл. 1). 1 подвеска имеет отверстие в головке. Небольшое количество таких подвесок может быть связано с маленькими размерами самой кости. Аналогий таким изделиям в Западной Сибири мы не нашли.

Подтип 9. Таранные кости **северного оленя** (*Rangifer tarandus*) – 10 экз. (табл. 1), из них одна кость имеет орнамент и три кости принадлежит молодым животным (рис. 3 – 58), 2 предположительно новорожденным особям (рис. 3 – 59).

Надо отметить, что не все таранные кости северного оленя, имеющие отверстия, мы можем отнести к подвескам. Часть таких костей имеет довольно широкие, иногда разнонаправленные отверстия (около 5 мм) в центре кости и, на наш взгляд, они служили блоками для крепления веревок. В то время как у подвесок отверстия, как правило, небольшие и расположены ближе к какому-либо краю кости (рис. 3 – 57–59).

Подвески из таранных костей северного оленя в Западной Сибири встречаются на городище Усть-Войкар [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 10 представлен единственной таранной костью **свиньи** (*Sus scrofa domestica*) (табл. 1). Кости этого домашнего животного в небольшом количестве встречаются практически во всех хронологических горизонтах Надымского городка. Но определить точно их происхождение (завозились ли сюда целые туши животных или отдельные их части в виде солонины) довольно трудно.

Подобных подвесок на территории Западной Сибири найдено не было, но на городище Ендырское 1 была найдена подвеска из таранной кости другого домашнего копытного – овцы [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 119, рис. 41 – 19].

Среди изделий этого типа наиболее многочисленны на Надымском городке и на других памятниках севера Западной Сибири подвески из таранных костей бобра. Они же наиболее разнообразны по расположению и числу отверстий и вариантам нанесенных орнаментов. Среди этих подвесок наибольшее число имеет характерные следы ношения. Хотя надо отметить, что бобр ни на одном из приведенных выше памятников не являлся основным промысловым пушным или пищевым видом [Визгалов и др., 2013. – С. 326]. Подвесок из костей песца и зайца в коллекции также довольно много, но аналогичные им встречаются крайне редко, и массово они использовались видимо только в Надымском городке. Интересно, что редкий орнамент на таких подвесках, как правило, представляет собой набор дополнительных неполных сверлин, что может быть связано с их небольшими размерами, а может быть, такие подвески изготавливались детьми или для детей как копии «взрослых» подвесок из костей бобра? Об этом же свидетельствует и тот факт, что некоторые таранные кости песцов и зайцев подтесывали так же, как и кости росомах, т. е., возможно, копировались с них.

Третья группа представлена подвесками из костей рыбы (табл. 1).

Подтип 1. Подвески из позвонков **рыбы** – 22 экз. (рис. 2 – 23–27). У части таких подвесок не удалось определить видовую принадлежность. Определимые представлены позвонками нельмы (*Stenodus leucichthys nelma*), щуки (*Esox Lucius*) и рыб рода сиговых (*Coregonus* sp.).

Подтип 2. Подвеска из первого луча грудного плавника **сибирского осетра** *Acipenser baeri* – 1 экз. (рис. 2 – 22).

Подвески из позвонков рыб были найдены на Усть-Войкарском городке [Новиков. Отчет НИИР, 2014. – С. 313, рис. 221 – 6; Отчет НИИР, 2017. – С. 19, 48, 246].

Рассмотрев все группы подвесок из костей и зубов животных из материалов Надымского городка, а также с севера Западной Сибири, мы можем сделать вывод, что на данный момент это самая большая и самая разнообразная коллекция таких изделий во всем регионе. Для изготовления таких подвесок использовали кости практически всех видов животных (за редким исключением), которых добывали на городке, и использовали такие части тела (слуховые барабаны, плечевые кости и др.), аналогий которым мы не нашли не только в материалах из Западной Сибири, но и в археологических коллекциях с других территорий. Большую часть подвесок, несомненно, изготовили в городке, но возможно некоторые подвески из резцов лося, а особенно лошади были привезены в городок извне. Часть подвесок носили – особенно те, которые были изготовлены из клыков крупных хищников (медведя, волка, росомахи), а также

подвески из таранных костей бобра, имеющие орнамент, а часть не имеет следов ношения. За исключением таранных костей бобра и северного оленя, количество подвесок из костей какого-либо вида коррелирует с общим количеством костей этого вида на памятнике. Все типы подвесок преимущественно были найдены на территории оборонительно-жилого комплекса и северо-западной многофункциональной площадки, выполнявшей роль торгового места на городке.

Обсуждение

Коллекция подвесок из костей животных Надымского городка является отражением его археозоологической коллекции, которая, в свою очередь, характеризует особенности промыслово-хозяйственного уклада населения городка. В лесотундровой зоне Западной Сибири все ресурсы, необходимые для жизнеобеспечения (животные и растительные) подвержены резким колебаниям, и их добыча сопряжена с немалыми трудозатратами. Именно поэтому жители Надымского городка, к примеру, почти не занимались собирательством ягод и ореха как пищевых ресурсов, так как трудозатраты на сбор дикоросов не покрывали их энергетическую ценность. Основой экономики являлись ресурсы животного мира, дававшие населению не только непосредственно пищу, одежду и кров, но и опосредованно, в результате меновой торговли, множество необходимых в хозяйстве товаров – изделия из металлов, ткани и многое другое. От удачи или неудачи в промысле напрямую зависело выживание общины и всех ее членов по отдельности. Ни на одном из памятников Западной Сибири и северной Евразии в целом мы не сталкивались со столь представительными по видовому и количественному разнообразию коллекциями костных остатков и украшений из них. И если по количеству представленных видов животных остеологическая коллекция Надымского городка близка к таковым из Полуйского мысового, Усть-Войкарского и других поселений севера Западной Сибири, то по соотношению этих видов она довольно резко отличается. Здесь количество костных остатков пушных промысловых видов (песца, соболя бобра, лисицы, горностая) сопоставимо с количеством костей основного пищевого вида северных территорий – северного оленя [Визгалов и др., 2013. – С. 288–289]. Несомненно, столь развитая промысловая структура хозяйства не могла не повлиять на ритуальную деятельность жителей, мифологическое мышление которых опиралось на использование бытовой магии и магических предметов для сохранения и привлечения охотничьей удачи. А собственно подвески из костей животных являются, на наш взгляд, прямым отражением таких магических ритуальных действий. И чем большим был круг промысловых видов животных, тем больше разнообразие талисманов, используемых для привлечения удачи в их промысле. Однако надо отметить тот факт, что появление подобных обрядов и связанных с ними магических предметов (подвесок) объясняется не только развитой промысловой деятельностью населения, но и может быть обусловлено в первую очередь теми этнокультурными традициями, которыми это население владеет. Для иллюстрации этого положения мы можем привести данные, полученные нами при изучении археологических, археозоологических и исторических материалов с памятников, расположенных на севере Западной Сибири, но основанных на населении, имеющим другие промысловые ритуалы. На территории Ямала и нижнего Приобья, где промысловые и иные ресурсы не отличались от таковых в Надымском городке, были исследованы археологические памятники, функционировавшие в период с конца I тыс. до н. э. (городище Усть-Полуй) в дельте Оби и вплоть до XII–XIV веков (селище Тиутей-Сале 1, селище Хаэн-Сале, городище Ярте-6) на Ямале. Население этих памятников активно занималось как пищевой (северный олень), так и пушной (песец, бобр) охотой [Визгалов и др., 2013. – С. 324]. Но при довольно развитом промысле на этих памятниках нет подвесок, аналогичных описываемым нами. В качестве ритуальных, связанных с промысловой деятельностью населения этих памятников, описаны остеологические комплексы, содержащие кости (преимущественно головы) добываемых животных, зачастую сопровождающиеся различными са크ральными предметами. Комплексы, содержащие черепа песцов, были обнаружены В. Н. Чернецовым в землянках на мысе Хаэн-Сале [Чернецов, 1935. – С. 118–119]. Многочисленны они и в постройках Надымского городка, где были найдены скопления или одиночные черепа практически всех промысловых видов. Но на рубеже XII–XIII веков параллельно со старыми промысловыми ритуалами на севере Западной Сибири начинают бытовать и новые промысловые обряды, связанные с появлением промысловых талисманов и, вероятно, такая традиция была привнесена на эту территорию населением,

имеющим ее ранее. Наиболее представительная коллекция подвесок с Надымского городка позволяет нам говорить о том, что там был некий центр, где эти предметы изготавливались и активно использовались, и из которого одновременно с торговыми и другими связями эта традиция транслировалась на широкую территорию вокруг него. Самые ранние и немногочисленные подвески появляются на соседних памятниках вместе с все большим количеством привозных предметов [Кардаш, Усолкина, 2009. – С. 340–344]. Городище Бухта Находка XII – начала XIV века находилось на полуострове Ямал лишь в 150 км севернее Надымского городка. Там нами были описаны ритуальные комплексы, состоящие из черепов, костей песка и других артефактов, аналогичные найденным на мысе Хаэн-Сале. В том же хронологическом горизонте мы обнаружили около 20 подвесок, изготовленных из костей животных, преимущественно из нижних челюстей песка, что подчеркивает важность этого вида для населения. В Тазовской литейной мастерской XIII века рядом со скоплением черепов соболя была найдена единственная подвеска из его нижней челюсти.

Как и где появилась эта ритуальная практика, и каким населением она была привнесена на север Западной Сибири? Довольно много подвесок из таранных костей бобра, овцы, клыков лисы и медведя найдено в памятниках X–XIII вв. на территории Поволжья – в Болгаре и Руси – в Старой Ладогге, на Белоозере, в окрестностях Старой Рязани [Закирова, 1988. – С. 233, рис. 103 – 11; Древняя Русь, 1997. – С. 157, табл. 93 – 19; Захаров, 2004. – рис. 225; Судаков, Буланкин, 2005. – С. 271, 278, рис. 5 – 2–8, 13–15], а также на г. Иднакар в Удмуртии [Иванова 1998. – Рис. 80]. Представительная коллекция подобных изделий собрана в Новгороде, где они были распространены повсеместно в слоях второй половины X в. [Тянина, 2010. – С. 160].

Наиболее близкими по составу к подвескам Надымского городка являются наборы подвесок с Рождественского городища XII–XIV веков [Белавин, Крыласова, 2008. – С. 457, рис. 194; 2017. – С. 67, 73, рис. 1 – 1–5]. А на территорию Пермского Предуралья в XI–XIII веках, по мнению Н. Б. Крыласовой, начинается постепенный приток населения с северо-западной Руси, которое привнесло с собой предметы материальной культуры и было связано в том числе и с развитием здесь промысла пушных животных (бобра, куницы и соболя), которых в это время практически выбили в западно-европейской части [Крыласова, 2014. – С. 30–31]. На территории Прикамья в XII–XIV веках основываются древнерусские поселения, одно из которых – Пожеское городище – на раннем этапе представляло собой, по мнению исследователей, опорный пункт сборщиков дани, и на нем в том числе были найдены различные подвески из костей животных [Археология Республики Коми, 1997. – С. 657, 679, рис. 8 – 25].

Все это, а также отсутствие такой категории артефактов на территории северо-таежной и тундровой зоны Западной Сибири на археологических памятниках ранее X–XII веков позволяет сделать вывод о том, что их появление связано с расселением на северо-восток жителей Восточной Европы, где бытование таких предметов массово зафиксировано с раннего средневековья.

Описанная нами большая группа изделий из костей и зубов животных, с одной стороны, обладает несомненным сходством по методу изготовления, материалу и способу использования, но, на наш взгляд, не однородна по своему семантическому значению и магическим свойствам, им приписываемым.

В этнографии Западной Сибири нет точного определения и упоминания о древних верованиях, связанных с амулетами или талисманами из костей животных, и сейчас систему употребления таких украшений мы можем лишь приблизительно реконструировать. Единственный тип подвесок, который дошел до настоящего времени, – это подвеска из клыка медведя, которая крепится к поясному ремню сзади. Считается, что она помогает от боли в спине и защищает от невидимых врагов – злых духов [Хомич, 1995. – С. 130–131]. Исходя из этого принципа, можно предположить, что клыки хищников и резцы крупных копытных, а возможно, и челюсти хищных животных, служившие им при жизни основным «орудием» добычи пищи и «оружием» от врагов, могли служить амулетами (оберегами) и защищать носившего их человека.

Известен и другой принцип, бытующий в традиционной культуре и связанный с сохранением удачи в охотничьем промысле. Это фигуральное деление тела животного на две части – голову и задний отдел, связанное с оппозицией мужского и женского. Конкретное проявление этого деления выражается,

к примеру, в ритуальном поедании частей тела лося, при котором мужчина-охотник съедает верхнюю губу животного, чтобы зверь выходил к нему лицом, а его жена съедает хвост, чтобы зверь не уходил от мужа, не показывал ему зад [Салымский край, 2000. – С. 247]. Основываясь на этом, можно реконструировать семантику подвесок из костей головы как «мужской» талисман, а из костей стопы – таранных костей – как «женский» талисман для удачи в промысле.

Подвески из зубов животных являются наиболее ранними из известных нам подобных предметов. С верхнего палеолита и до настоящего времени они были довольно широко распространены почти на всей территории Евразии. Это клыки хищников – медведя, реже волка или лисицы, а также резцы копытных – лося, кабана, а позже домашней свиньи и грызунов – бобра, сурка [Крыласова, 2001. – С. 94; Руденко, 2006. – С. 274–275; Житенев, 2007; Александров и др., 2014. – С. 35, рис. 18 – 3–4; Зиминая, 2015. – С. 51; Питулько, Никольский, 2015. – С. 10; Camarós et al., 2016. – Р. 806; Поляков, Есин, 2017; Федорченко, Козликин, 2017, и др.]. Основная масса подобных амулетов изготовленных из зубов животных, известна из погребений, преимущественно женских и детских.

Находки в Надымском городке подвесок из зубов медведя – самого сильного и опасного хищника севера, почитание и особое отношение к которому было распространено по всей территории Западной Сибири, вероятно, редки, так как охота на него не имела промыслового значения. То же самое можно сказать о и лосе. Эти животные заходили в лесотундру крайне редко и добывались случайно. Ожерелье из зубов лося вполне могло быть привезенным из других мест. По тем же причинам редки подвески из клыков волка, а клык собаки вполне мог служить заменителем волчьего при необходимости изготовления оберега. Но обладали ли подобной защитной функцией амулета клыки песца или лисицы? Песец во все периоды существования городка был основным товарным промысловым видом, и не случайно количество подвесок из его клыков и костей преобладает на городище (табл. 1). Вполне вероятно, что часть подвесок из клыков песца, а может быть и лисицы, использовали в качестве амулетов, но, как нам представляется, большая их часть использовалась в качестве промысловых талисманов, призванных приносить охотничью удачу, и никогда не носилась. Вероятно, они нанизывались на веревку и подвешивались в жилище на время промыслового сезона. То же самое можно сказать о подвесках из нижних челюстей песца и лисицы.

Но история с подвесками, наверное, началась с весьма распространенных в европейской части Руси подвесок из челюстей куницы и соболя, и реже лисицы. Например, в Пермском Предуралье нижние челюсти куниц с отверстиями были обнаружены не только в культурном слое поселений, но и в составе поясных подвесок в мужских захоронениях [Жеребцова, 2015. – С. 10], в качестве амулетов использовались и челюсти лис [Крыласова, 2010. – С. 24]. Подвески из челюстей соболя на Надымском городке наиболее многочисленны среди подобных предметов, хотя костей соболя значительно меньше, чем костей песца. Добыча этого вида была значительно ниже, хотя значение, особенно в ранний период, когда численность его еще была достаточно высокой, было большим. Но и среди подвесок соболя лишь около половины имеют аккуратно просверленное отверстие и следы носки (рис. 2 – 9а), в то время как у остальных, а также у большинства подвесок из челюстей песца отверстия были пробиты и имели острый неровный край и для носки явно не предназначались. Они делались по образу соболиных, традиция изготовления которых, вероятно, была привнесена на городок раньше. Но, на наш взгляд, традиция эта все же была связана с функцией охотничьего талисмана – сохранения и привлечения промысловой удачи – и поэтому была перенесена и на другие пушные виды (песца, лисицу, горностая и, может быть, даже зайца). Возможно, действие, которое совершалось при выполнении этого отверстия на большинстве челюстей пушных животных, и являлось тем самым магическим актом, в результате которого кость становилась талисманом, приносящим охотничью удачу. Вполне вероятно, что эта традиция переплелась с более древней на этой территории промысловой традицией – сакрального отношения к костям головы (черепам, нижним челюстям, зубам) добываемых животных, их хранению и использованию в магических ритуалах. М. Ф. Косарев вслед за В. Н. Чернецовым полагает, что большая часть амулетов и изображений животных, а особенно их голов в Западной Сибири являются атрибутами промыслового культа. Он считает, что мы имеем здесь дело с магическими обрядами, зародившимися в охотничьей среде

и носившими промысловый характер [Чернецов, 1987; Косарев, 1981. – С. 246–252]. Поэтому рядом с подвесками из нижних челюстей животных в Надымском городке мы наблюдаем скопления таких же челюстей, не имеющих отверстий, а также скопления черепов пушных зверей (подобных таковым на ямальных памятниках) и, кроме того, лап и др. костей, связанных с различными ритуалами, описание и анализ которых нам еще предстоит в будущем.

Довольно необычна в этой связи находка подвески из слухового барабана нерпы, аналогий ей мы не нашли в археологических или этнографических источниках. Для нерпы слух является чуть ли не главным фактором, позволяющим этому зверю спастись от любого врага – белого медведя или человека. С этой точки зрения подобная кость может служить охотничьим талисманом, позволяющим охотнику неслышно подобраться к зверю во время промысла (т. е. лишить его неуязвимости). Нерпа не водится в окрестностях городка и не входила в круг наиболее значимых промысловых животных. Кости встречаются постоянно, но в очень малых количествах. Был ли этот амулет изготовлен на городке или потерян кем-то из заезжих охотников? Наличие еще 11 подобных слуховых костей, которые хранились на памятнике, говорит в пользу того, что этот предмет был изготовлен на месте, и промысел нерпы, возможно, осуществлялся специальной группой охотников в Обской губе. Вероятно, нерпу добывали исключительно ради нерпичьего жира для освещения закрытого пространства оборонительно-жилого комплекса городка в условиях полярной ночи.

Но если кости головы являются преимущественно мужскими амулетами и талисманами, то с чем, с какими магическими силами связаны подвески из таранных костей стопы? Каков генезис происхождения этой традиции? Почему именно мелкие кости ноги были «выбраны» на эту роль? Здесь приходит на ум аналогия со всем известным мифом об Ахиллесе и собственно Ахиллесовой пяте¹ [Грейвс, 1992. – С. 495–500]. Но и этот миф (описанный Гомером и повествующий предположительно о событиях XII в. до н. э.) не является единственным фольклорным (литературным) источником, описывающим особое значение пятки как уязвимого органа на теле героя. В древнегреческой мифологии существует подобный миф о Талосе – бронзовом витязе, который был дан Зевсом Европе для охраны острова Крит и погибшем от раны на пятке [Любкер, 2001. – С. 356]. Но более известная легенда об Ахиллесе давно занимала умы людей. Благодаря ей сухожилие, расположенное на ноге над пяточной костью, анатомы именуют «ахиллесовым», а выражение «ахиллесова пята» издавна служит для обозначения слабого, уязвимого места человека.

Известно, что культ Ахиллеса существовал на обширной территории вплоть до северного Причерноморья. На острове Левка более 10 веков функционировало крупнейшее святилище, основанное еще в конце VII – начале VI в. до н. э., и храм Ахилла, где он почитался главным образом как божество, связанное с подземным миром и мореплаванием, а также врачеванием и спортивными состязаниями [Захарова, 2004. – С. 356]. Этот остров, расположенный неподалеку от устья Дуная, постоянно находился в зоне активных исторических событий и был тесно связан с политическими устремлениями в этом районе как кочевого и полуоседлого населения степи, так и Византии, Болгарии и Руси. Из северо-восточного Причерноморья эти мифологические представления распространялись дальше на восток вместе с европейским населением и вместе с языковой средой. Мы не знаем достоверно, были ли там талисманы, связанные непосредственно с культом Ахиллеса. Мы можем лишь предположить некую связь амулета из таранной кости с этим культом.

Более поздним литературно-теологическим источником (с XIII по V в. до н. э.), где упоминается о пяте, является Ветхий Завет: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред [над] всеми скотами и пред [над] всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку» [Бт. 3:14–15]. И опять местом уязвимости в борьбе человека и животного стала пята, но уже в христианской традиции.

¹ Ахиллесова пята – послегомеровский миф (переданный римским писателем Гигином), повествующий о том, как мать Ахилла (Ахиллеса) Фетида захотела сделать тело своего сына неуязвимым. Для этого она окунула его в священную реку Стикс. Но, окуная младенца в воду, мать держала его за пятку, и пятка осталась единственным уязвимым местом Ахиллеса. Впоследствии именно туда Парис попал своей стрелой, смертельно ранив героя.

И опять мы видим противопоставление – человек должен был поражать змея в голову, то есть выходить на зверя с головы (лицом к лицу), а тот его в пятку. Попытки теологов трактовать эту притчу свелись к идее «...борьбы между царством света, правды и добра и областью тьмы, лжи и всякого зла» [Допухин, 1913]. Мы не встречаем описания каких-либо амулетов, связанных с этим видом уязвимости. Служили ли подвески из таранных костей защитой человека от потусторонних сил, от злых духов, нам это достоверно не известно и это проблема для дальнейшего обсуждения и исследования. Но на данный момент мы имеем два источника, которые указывают на уязвимость пяты человека. Совершенно понятно, что речь идет о символе не физической, реальной уязвимости, а об уязвимости семантической. Потому что, если смерть от укуса в босую пятку ядовитой змеи реальна, то мы не нашли понятного объяснения тому, что единственным смертельно уязвимым местом на теле героя (полубога Ахиллеса или бронзового великана Талоса) становится пятка – не самое опасное место на теле человека с точки зрения физиологии. И с точки зрения древнего человека с мифологическим мышлением можно представить, что если уж пятка уязвима у человека-полубога и божественного творения – Адама, значит и у всех остальных это тоже может быть уязвимым местом, и не только у человека, но и у животных. Подобные мифы во времена их возникновения и бытования передавались прежде всего вербально, трансформировались, и на протяжении времени могли появляться различные амулеты и талисманы, с ними связанные. На подобную связь таранных костей с древнегреческими мифами указывают и исследователи из других областей гуманитарного знания [Гусейнов, 2016]. Но это лишь одна из гипотез возможного возникновения таких культовых предметов. Мы не претендуем на ее уникальность или однозначность, но хотим обозначить перспективные направления для решения этой проблемы.

Тема уязвимости тем вероятнее близка к семантическому значению подвесок из таранных костей, что во многих археологических источниках, описывающих находки подвесок из таранных костей, исследователи интерпретируют их в первую очередь как амулеты, предназначенные для охраны женщин и детей, которые были наиболее слабы. А. Chouke, описывая амулеты из бобровых астрагалов, найденные в женских могилах меровингов VI–VII вв. во Франции, а также другие подобные находки в Северо-Восточной Европе пишет, что, как правило, амулет использовался женщиной, поскольку в этот период, по крайней мере, женщины и дети считались более нуждающимися в магической защите [Chouke, 2010. – Р. 205]. М. А. Бакушев проводит ту же мысль, описывая амулеты из таранных костей из могильников конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. на территории Дагестана [Бакушев, 2014]. Надо отметить, что наибольшее количество «таранных» подвесок изготавливали из костей бобра и копытных животных. В славянской мифологии образ бобра связан с водной стихией и, как некоторые другие пушные звери, он имел эротическую и брачную символику [Славянские древности, 1995. – С. 199–200]. Возможно поэтому большая часть этих украшений сопровождает женские могилы.

Амулеты из таранных костей бобра были найдены на археологических памятниках широкого хронологического периода от раннего железного века и до средневековья на территории Эстонии и Северо-Восточной Европы [Luik 2010. – Р. 50–53]. Такие подвески массово начинают появляться на рубеже VIII–IX веков сначала с лесостепных просторов Приазовья и Придонья, где в VIII–IX вв. бытуют подвески из таранных костей бобра и косули [Степи Евразии, 1981. – С. 75, рис. 37; Дорогами тысячелетий..., 2003. – С. 115; Стародубцев, Зорин, 2017. – С. 174, рис. 12]. Затем эта традиция довольно быстро распространялась на северо-восток. Особенно много находок подвесок из астрагалов бобра в памятниках Северной Руси: в Старой Ладогге, Белоозере, курганах Ярославского Поволжья X–XI вв. [Древняя Русь, 1997. – С. 157, табл. 93 – 19]. Встречаются они на Тимеревском поселении [Дубов, 1982. – С. 16, рис. 9, 12, 17, 15, 36 – 3, 42 – 17–21] и Кемском некрополе [Макаров, Беляков, 1989. Рис. 3 – 34, 37]. Подвески из астрагалов бобра уже неоднократно находили на городище Шудьякар в Верхнем Прикамье [Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 83 – 39], Пожегском городище на р. Вымь [Археология Республики Коми, 1997. – С. 679, рис. 8 – 25], «ожерелья» из бобровых костей встречались в финно-угорских женских погребениях [Голубева, 1997. – С. 157]. Массовое появление этих подвесок происходит в период активизации товарной пушной охоты и является результатом активного промысла бобра, в результате которого он и был полностью истреблен почти на всем ареале своего обитания уже к XVII веку. Описывая подобные подвески из раскопок средневеково-

го Новгорода Е. А. Тянина интерпретирует их как амулеты, связанные с людьми, занимавшимися бобровым промыслом [Тянина, 2010. – С. 166–167]. Но в таком случае семантическое значение этих изделий меняется, и из защитного амулета они переходят в разряд промысловых талисманов или продолжают сочетать в себе обе эти функции.

Помимо костяных, известно о бытовании подвесок из бронзы, копирующих форму таранных костей. В Восточной Европе о таких подвесках упоминает А. Чоуке. Она пишет, что бронзовые имитации зубов животных и астрагалов появляются в железном веке по всей Европе и Азии в зоне, простирающейся от Прибалтийских стран до Монголии [Choyke, 2010. – Р. 204]. В Западной Сибири наиболее ранняя подвеска, имитирующая таранную кость бобра, – как раз из бронзы, известна из погребения № 119 ребенка 7–9 лет Сайгатинского 4 могильника, датированного кон. IX – нач. X в. [Карачаров, 2005. – С. 71–74]. Судя по материалу, из которого эта подвеска изготовлена, она может быть предметом импорта.

По нашим данным и данным литературных источников, на севере Западной Сибири подвески из таранных костей массово появляются с начала XIII века в Надымском городке, отдельные находки фиксируются на городище Бухта Находка, а также на городищах Ендырское 1 и Перегребное 1 [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 119; Морозов, Пархимович, 1985. – С. 90]. Позже такие изделия появились на городище Усть-Войкарском и Полуйском мысовом городках и продолжают свое бытование вплоть до XVIII века.

Несомненно, что часть подвесок из таранных костей бобра из коллекции Надымского городка служили амулетами на протяжении довольно продолжительного времени. Они имели орнамент и следы долгой носки. Когда ушко подвески ломалось, сверлили новое отверстие и продолжали носить (рис. 3 – 13–14). Но другие подвески не являлись предметом ношения, может быть, даже не подвешивались и, вероятно, могли служить промысловыми талисманами, как, например, подвески из клада, которые сохранялись вместе с костями других промысловых животных.

Надо отметить тот факт, что, возможно, в качестве талисманов могли использоваться не только просверленные таранные кости бобра и росوماхи, но и кости, не имеющие искусственной обработки или отверстия. В остеологической и археологической коллекциях, собранных на памятнике за все годы раскопок, найдены 283 таранные кости бобра (из которых 213 – это подвески) и лишь 6 пяточных костей бобра. Таким образом, можно сказать, что есть более 60 таранных костей, не имеющих отверстий, хранились специально. На городище Бухта Находка, расположенном на южном Ямале, за весь период исследования было найдено лишь 4 кости бобра, и все – таранные, но только одна из них имела отверстие для привешивания. Бобр не водился в окрестностях городища, поэтому все эти кости были привезены на памятник и сохранялись там специально, независимо от наличия в них отверстия.

То же мы можем сказать и о таранных костях росوماхи. На 65 таранных костей росوماхи из Надымского городка приходится всего 20 пяточных костей. Часть из таранных костей не имеет отверстия, но нижняя часть тела кости стесана точно так же, как и у некоторых подвесок (рис. 3 – 29–30), поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что и эти кости также сохранились в слое неслучайно и являлись, вероятно, охотничьими талисманами. Подобную статистику сложнее привести для клыков (которые могли случайно выпасть из сохраняемых черепов и челюстей) и нижних челюстей, так как головы (черепа и нижние челюсти) пушных зверей, как и лапки зайцев и песцов, содержащие таранные кости, сохранялись в силу других промысловых обрядов.

Интересен сам выбор животных, чьи кости и зубы использовались в качестве подвесок, и количественное соотношение костей разных видов животных. Еще раз надо отметить тот факт, что на Надымском городке среди подвесок встречаются кости почти всех добываемых здесь животных. Преобладание подвесок из костей песка, соболя и бобра объясняется тем, что в позднем средневековье пушная охота приобретала все более товарный характер, и эти виды были важнейшими промысловыми животными и, вероятно, в меньшей степени росوماха, горностаи и лисица, численность которых в окрестностях городка была значительно ниже. Заяц был одним из основных пищевых видов на городке во все периоды его функционирования. Редкие находки подвесок из костей морских млекопитающих (моржа и нерпы) отражают небольшое участие этих видов в общей картине промысла.

Несомненно, что подвеска из резца лошади была привезена на городок извне, поскольку это единственная кость лошади, найденная на городке за все время его изучения, точно так же, как и единственная

таранная кость овцы, не имеющая отверстия, но явно попавшая в слой не случайно. А вот подвеска из таранной кости свиньи, скорее всего, была изготовлена на городке и является свидетельством отношения его жителей к этому животному, кости которого встречаются в небольших количествах постоянно.

Все это указывает на то, что большая часть подвесок, найденных в Надымском городке, – это по большей части талисманы, связанные с промысловой магией. Ведь и в европейской части расцвет подобных изделий приходится на период IX–XIII веков, когда пушная товарная охота, преимущественно на бобра, а также на куницу соболя и горностая становится одним из важнейших источников дохода населения. И практически исчезают эти изделия из оборота в тот момент, когда из-за перепромысла резко сокращается численность пушных животных.

В настоящее время у коренных народов Северо-Западной Сибири украшения из костей животных не имеют такого широкого распространения, как это было в прошлом, и даже устных сведений об их использовании сохранилось немного. Мы полагаем, что исчезновение традиции связано с двумя факторами – идеологическим и биологическим.

Известно, что христианская церковь крайне отрицательно относится к амулетам и талисманам, причисляя их к атрибутам магии. С началом принудительного крещения аборигенов Западной Сибири формируется двоеверие, и множество поверий и религиозных традиций отходят на второй план. Косвенно это подтверждает и ситуация в Новгороде, где в XI–XII вв. количество подвесок из костей и зубов животных падает, а в XIV–XV вв. они становятся единичны. Е. А. Тянина связывает это в том числе и с все возрастающим влиянием христианства [Тянина, 2010. – С. 160]. Согласуются с этим и результаты исследования синхронных Надымскому городку русских памятников севера Сибири – Мангазеи, Березова и Старо-Туруханска, куда из Новгорода в XVI–XVII веках приходит население, уже лишенное этой традиции. Т. е. эта промысловая языческая традиция исчезает к XV–XVI векам на европейском Северо-Востоке, но на аборигенных памятниках севера Западной Сибири она сохраняется вплоть до XVIII века и выглядит как местная аборигенная культура.

В то же время уменьшение количества подобных изделий повсеместно происходит одновременно со значительным сокращением объемов пушной охоты. Бобра и соболя в Западной Сибири выбили к концу XVII века [Кириков, 1960. – С. 132], сократилось количество песца. Это также могло повлиять на исчезновение подобных артефактов.

Заключение

Подводя итог, мы считаем необходимым выделить ряд выводов.

Первый вывод касается хронологии бытования амулетов и талисманов из костей и зубов животных на территории севера Западной Сибири. Массово и в полном разнообразии они появляются в начале XIII века, бытуют на широкой территории и исчезают в середине XVIII века. До XX века используются только подвески из клыков медведя. До начала этого времени эпизодические находки отмечены в X и XI веках на памятниках средней Оби, а у аборигенного населения нижней Оби и арктического побережья эта часть материальной культуры полностью отсутствовала.

Появление подобных артефактов на севере Западной Сибири мы связываем с началом расселения славяно-финского или финского населения, принесших с собой эту традицию с территории северо-востока Европы. Это связано с вхождением Югорских областей в состав земель Новгорода Великого, а потом и Московского царства. На начальных этапах освоения амулеты и талисманы из зубов и костей животных становятся маркерами этнокультурной принадлежности населения – присутствия жителей Северо-Восточной Европы. Затем происходит внедрение этой традиции и в культуру аборигенных народов.

Подвески, изготовленные из различных костей животных, имеют разное происхождение и несут различную семантическую нагрузку. На территории Евразии наиболее ранними, широко географически и хронологически распространенными являются амулеты из зубов животных. Гораздо позднее, возможно в связи с культом Ахиллеса, возникают амулеты из таранных костей, широкое распространение которых на территории Европы происходит одновременно с развитием товарного пушного промысла. В связи с чем, вероятно, происходит изменение семантического значения части таких изделий и их трансформация из защитных амулетов в талисманы, связанные с промысловой магией. Усиление

этой функции еще более проявляется у аборигенных народов севера Западной Сибири, экономика которых полностью зависит от результатов промысла. Здесь значительно увеличивается разнообразие видов животных, кости которых используются для изготовления подобных изделий, а часть промысловых талисманов, возможно, становится своего рода счетными единицами, отражающими количество добытых животных.

На средневековых северных памятниках как аборигенного, так и русского населения Сибири, помимо изделий из костей животных, связанных с ритуальной деятельностью жителей, сохранилось большое количество необработанных костей животных, которые тем не менее использовались в промысловых и иных обрядах. Описание и анализ таких находок будет темой наших дальнейших исследований.

Список литературы и источников

- Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии // Археологические раскопки на дорогах Хакасии. Вып. 3. – СПб.: ООО «ЭлекСис», 2014. – 154 с.
- Кроули Алистер. Магия в теории и на практике [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib. Com, 2010–2018. – Режим доступа: https://royallib.com/read/krouli_alister/magiya_v_teorii_i_na_praktike.html#20480, свободный. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981
- Апотропей // Ангола – Барзас. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – (Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров; 1969–1978. Т. 2.
- Археология Республики Коми, 1997. – М.: ДиК. – 758 с.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981.
- Атеистический словарь / А. И. Абдусамедов и др.; под общ. ред. М. П. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 512 с.
- Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.
- Бакушев М. А. Костяные амулеты Дагестана албано-сарматского времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greyish.ru/?p=1342>, свободный.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Орудия охоты средневекового Предуралья (Археологический очерк) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – № 3. 2017. – С. 66–80.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. – Нефтеюганск – Екатеринбург, 2013. – 374 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазья: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск, 2008а. – 296 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.
- Голубева Л. А. Археология. Древняя Русь. Быт и культура. (Гл. 9. Амулеты). – М.: Наука, 1997. – С. 153–165.
- Горячев В. М., Горячева Т. А., Кардаш О. В. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы научного семинара (18–19 ноября, Тюмень). – Тюмень: Изд-во ИПОС, 2002. – С. 22–24.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции // Р. Грейвс; пер. с англ. К. П. Лукьяненко; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. – М.: Прогресс, 1992. – 620 с.
- Гусев Ан. В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // Археология Арктики. Вып. 4. «Усть-Полуй: материалы и исследования»: коллективная монография в двух томах. Том 2 / науч. ред. О. Н. Корочкова – Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. – С. 4–103.
- Гусейнов Г. Ч. Миф и архитектура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/DXMP0jHQ7pc>.
- Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края / А. З. Винников, А. Т. Синюк. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003 (ИПФ Воронеж). – 278 с.
- Древняя Русь: Быт и культура // Археология. 1997. – М.: Наука. – 368 с.
- Дубов И. В. Северо-Восточная Русь эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 248 с.
- Жеребцова Е. А. Специфика присваивающего хозяйства в Пермском Предуралье в VII–XV веках // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. – Вып. 4 (31). – С. 7–18.

Житенев В. С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). – М.: Дом еврейской книги, 2007. – С. 40–61.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 220–243.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро // РАН. Ин-т археологии. – М.: Индрик, 2004. – 392 с.

Захарова Е. А. К вопросу о хтонической сущности культа Ахилла в Северном Причерноморье // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией проф. Э. Д. Фролова. Выпуск 3. Санкт-Петербург, 2004. – С. 349–360.

Зими́на М. П. К вопросу о неолитических могильниках лесной зоны Восточной Европы // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы: к 60-летию А. В. Уткина / под ред. Е. Л. Костылевой и В. А. Аверина. – Вып. IV. – Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2015. – 192 с.

Зыков А. П. Отчет об исследованиях средневековых памятников в Сургутском и Уватском районах Тюменской области летом 1984 г. – Свердловск, 1985 // АКА УрГУ. Ф. II, Д. 438.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с.

Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998. – 294 с.

Ивасько Л. В., Лобанова Т. В. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры: материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 69–71.

Капанаджи А. И. Нижняя конечность. Функциональная анатомия. – Т. 2: Пер. с фр. Г. Абелевой. 6-е изд. – М.: Эксмо, 2017 – 352 с.

Карачаров К. Г. Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучминское XXII в 2004 году. 2 кн. – Книга 1. – Сургут, 2005. – 371 с.

Кардаш О. В. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI – первой трети XVIII вв. Нефтеюганск – Екатеринбург: Магеллан, 2009. – 320 с.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург – Салехард, 2013. – 380 с.

Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 335–347.

Кириков С. В. Изменение животного мира в природных зонах СССР (XIII–XIX вв.): Лесная зона и лесотундра. – М.: АН СССР, 1960. – 156 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 282 с.

Крыласова Н. Б. История прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья: монография. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2001. – 220 с.

Крыласова Н. Б. Охота // Материальная культура средневекового Предуралья. Ч. 2: Культура производства. Вооружение. Торговля. Пермь. 2010. – 183 с.

Крыласова Н. Б. Начало «Древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. № 9. – С. 28–39.

Лобанова Т. В., Кардаш О. В. Костные останки животных в ритуально-обрядовых комплексах городка Монкысы урий // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 46, № 2 – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. – С. 131–139.

Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. В 3 т. – М., 2001. Т. 3. – С. 356.

Лопухин А. П. Толковая Библия Лопухина // Журнал Московской Патриархии. – 1913. – № 11. – С. 45–47

Макаров Н. А., Беляков А. С. Кемский некрополь в северном Белозерье // КСИА. – Вып. 198. – М.: Наука, 1989. – С. 75–84.

Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ. – С. 89–99.

Новиков А. В. Научный отчет о проведении археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия регионального значения «Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок)» в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2013 году (открытый лист № 958). В 2-х томах. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014.

Новиков А. В. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок)» в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году (по открытому листу № 1164, сроком действия от 18.07.2016 по 31.08.2016 г.). В 3-х томах. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Питулько В. В., Никольский П. А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-88431-251-7/> © МАЭ РАН.

Плеханов А. В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. – Екатеринбург: Издательство «Деловая пресса», 2014. – 124 с.

Поляков А. В., Есин Ю. Н. Раннеокуневское погребение с курильницей могильника Итколь-II // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017.

Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.

Салымский край. – Екатеринбург: Тезис, 2000. – 344 с.

Сивоха И. Н. Подвески из дериватов животных с памятников позднего средневековья и нового времени севера Западной Сибири // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий: Независимый научный журнал. – № 1. – 2008. – С. 7–15.

Синельников Р. Д., Синельников Я. Р. Атлас анатомии человека. В 4-х томах // Том 1. – М.: Медицина, 1996. – 344 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – М., 1995. – Т. 1.

Стародубцев В. Ю., Зорин А. В. Славянский языческий жертвенный комплекс на городище Царский Дворец // Верхнедонской археологический сборник / отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – Выпуск 8. – С. 170–179.

Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.

Терехова Л. М. Отчет о НИР: Отчет о раскопках в районе пос. Сайгатино Сургутского района Тюменской области в 1986 г. Т. 1. – Екатеринбург, 1986. – 221 л. Архив ИА РАН Р-1. № 11431. Т. 1. 221 л.; № 11432. Т. 2. 183 л.; № 11433. Т. 3. 33 л.

Тянина Е. А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // «Археологические вести». – СПб., 2010. – Вып. 17. – С. 159–168.

Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В. «Ушедшие в холмы»: культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. – Екатеринбург, 1998. – 132 с.

Федорченко А. Ю., Козликин М. Б. Технология изготовления костяных орудий и украшений начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам полевых работ 2016 г.) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017.

Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. – СПб. – 330 с.

Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Совет. этнография. 1935. № 4–5. С. 109–133.

Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1987. – 284 с.

Alice Choyke The Bone is the Beast: Animal Amulets and Ornaments in Power and Magic // Data Anthropological approaches to zooarchaeology : complexity, colonialism, and animal transformations / edited by D.Campana ... [et al.]. – Oxbow Books, Oxford, UK. 2010. – P. 197–210.

Edgard Camarós, Susanne C. Münzel, Marián Cueto, Florent Rivals, Nicholas J. Conard. The evolution of Paleolithic hominin–carnivore interaction written in teeth: Stories from the Swabian Jura (Germany) // Journal of Archaeological Science: Reports 6 (2016) 798–809.

J. Wilczynski, A. Szczepanek, P. Wojtal, V. Diakowski, M. Wojenka and D. Sobieraj. A Mid Upper Palaeolithic Child Burial from Borsuka Cave (Southern Poland) // International Journal of Osteoarchaeology Int. J. Osteoarchaeol. 26: 151–162 (2016) Published online 8 May 2014 in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com) DOI: 10.1002/oa.2405

Luik, H. Beaver in the economy and social communication of the inhabitants of South Estonia in the Viking Age (800–1050 AD). In G. K. Kunst (ed.) Bestial Mirrors: Using Animals to Construct Human Identities in Medieval Europe. VIA VIAS 3. Vienna, Vienna Institute for Archaeological Science, University of Vienna, 46–54.

Putelat, O. Les restes animaux de la nécropole altomédiévale d'Illfurth Buergelen (Haut-Rhin). In M. Roth-Zehner, Illfurth Buergelen (Alsace-Haut-Rhin), Rapport de fouille programmée, ANTÉA, S.R.A. d'Alsace, 2007.

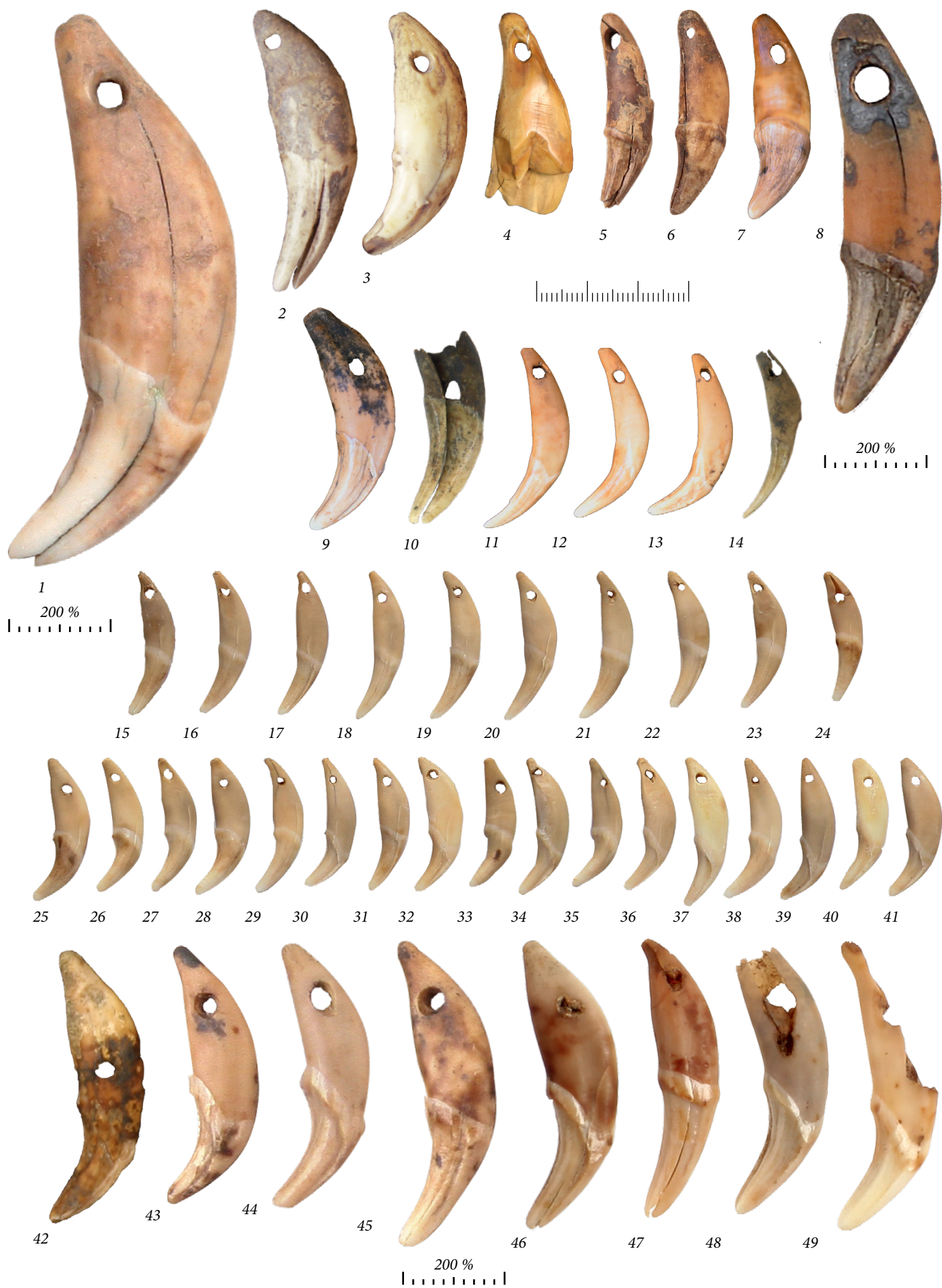
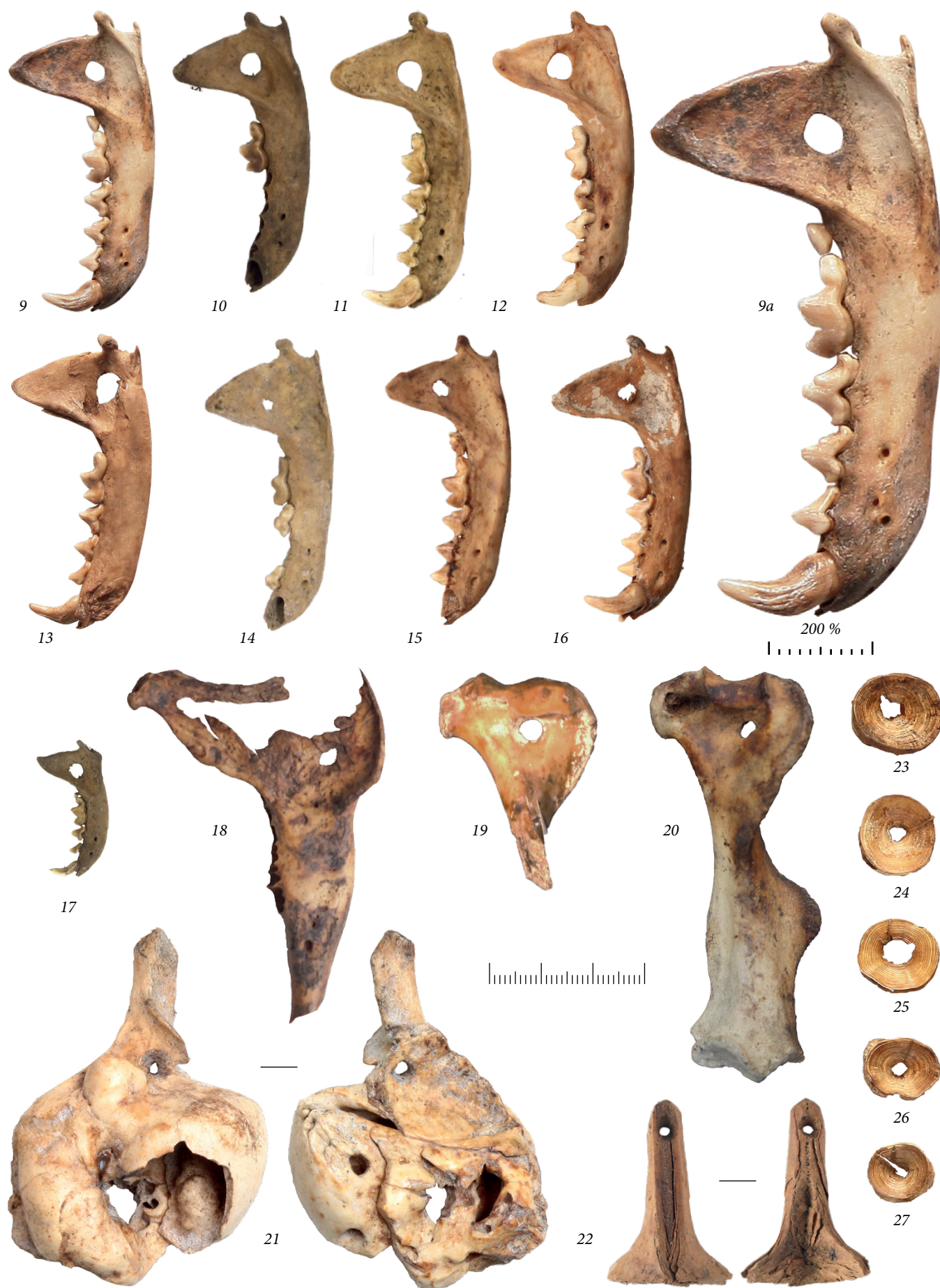

Рис. 1. Надымский городок (XIII–XVII вв.). Подвески из зубов млекопитающих: 1–4 – клыки бурого медведя; 5–8 – клыки росوماхи; 9 – клык волка; 10 – клык молодой волка; 11–13 – клыки лисицы; 14 – клык молодой лисицы; 42–47 – клыки песца; 48–49 – клыки молодой песца; 62–66 – резцы лося; 67 – резец лошади; 68 – резец бобра; 69–70 – зубы моржа. Скопление из клыков песца (кон. XV – нач. XVI в.): 15–24 – верхние, 25–41 – нижние. Скопление из резцов лося (кон. XV – нач. XVI в.) – 50–61

Рис. 2. Надымский городок (XIII–XVII вв.). Подвески из костей млекопитающих и рыб: 1–2 – нижние челюсти лисицы; 3–8 – нижние челюсти песка; 9–16 – нижние челюсти соболя; 17 – нижняя челюсть горностая; 18 – нижняя челюсть зайца-беяка; 19–20 – плечевые кости бобра; 21 – слуховой барабан нерпы; 22 – луч грудного плавника сибирского осетра; 23–27 – позвонки рыб

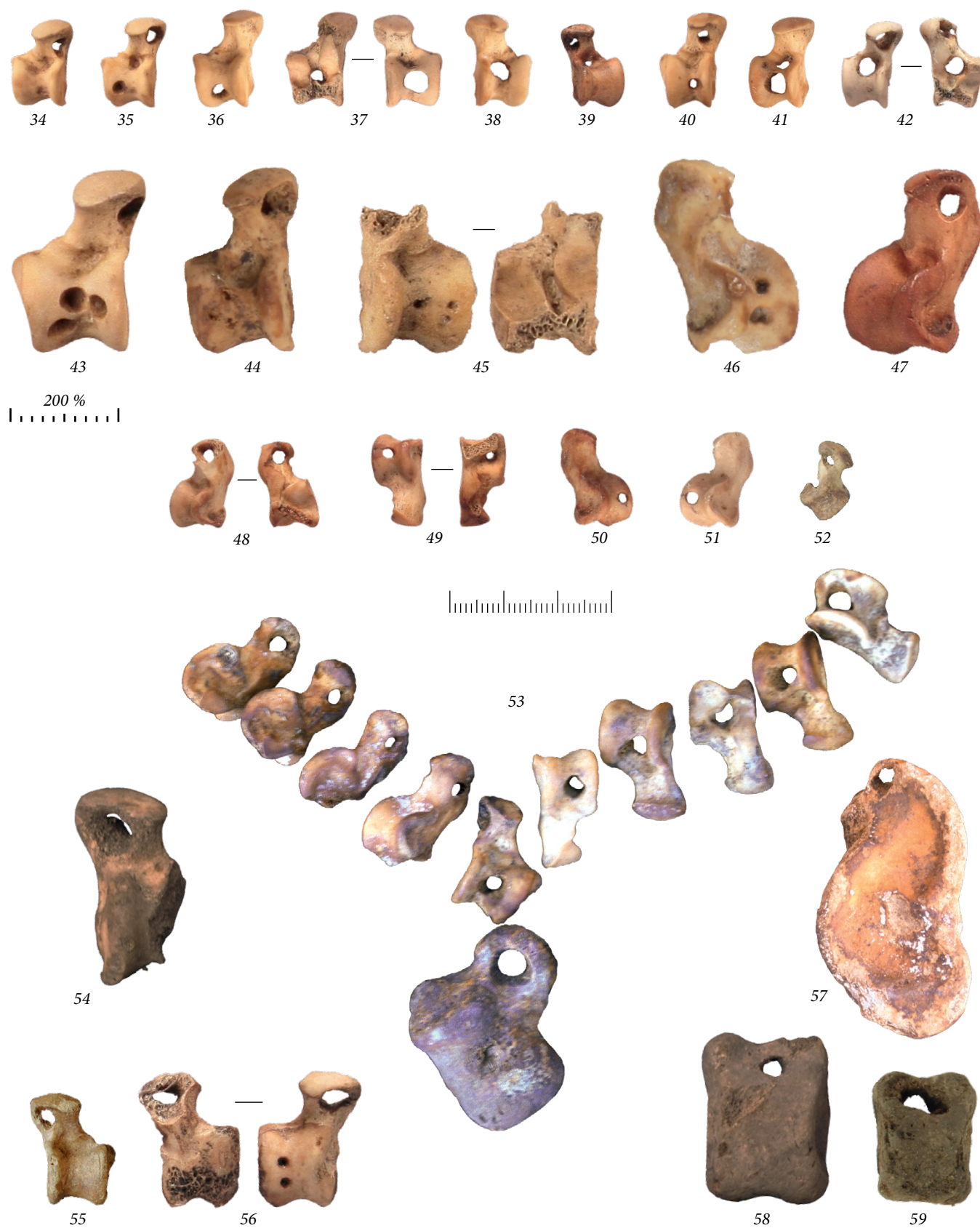

Рис. 3. Надымский городок (XIII–XVII вв.). Подвески из таранных костей млекопитающих:
 1–25 – бобра; 26–33 – россомахи; 34–45 – песца; 46–51 – зайца-беляка; 52 – соболя; 54 – волка; 55 – лисицы; 56 – собаки;
 57–59 – северного оленя. Ожерелье из таранных костей песца, зайца-беляка и бобра (кон. XV – нач. XVI в.) – 53

85 %

Рис. 4. Надымский городок (кон. XV – нач. XVI в.). Клад из костей промысловых млекопитающих.

Бобр: 1–55 – таранные кости; 56 – хвостовые позвонки. Заяц-беляк: 57 – череп; 58 – нижняя челюсть; 59 – передняя лапа в шерсти. Песец: 60 – шейные позвонки; 61 – череп; 62 – нижняя челюсть; 63–64 – метаподии; 65–67 – когтевые фаланги с роговыми чехлами и мехом; 68 – хвостовой позвонок. Соболь: 69 – череп; 70 – лопатка; 71 – фрагмент меха